

ЗАПАДНАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 165.0

АБСОЛЮТНОЕ И ОТНОСИТЕЛЬНОЕ В МОРАЛЬНЫХ ЦЕННОСТЯХ

В.В. Ильин*, В.А. Никитин**, Т.О. Тедеева**, Э.И. Шайсултанова**

*ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана», г. Москва

** Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

В центре внимания авторов – воспаряющая над практицистской целесообразностью морально-нравственная регуляция человеческого самоутверждения. Как символическая форма практически-духовного мораль «снята» единым током родового прогресса; свободным самоопределением субъектов, склонных к самоконтролю.

Ключевые слова: самоконтроль, моральная автономия, гуманитарная культура.

Приоритет «знания» относительно жизни – декадентская надменность. Едва не впервые ее в полной мере выказали гностики, оправдывавшие свое имя доктриной «знание – спасительный ресурс», противопоставляемой моралистическому учению самосовершенствования для обретения спасения через покаяние («метанойа»).

Оценку справедливости линий – в нашей редакции: идеальное знание – «выше действительности», поверяет «алгеброй гармонию» – управляемое жизнью преодоление внутренней греховности – дала родовая история. «Поверять алгеброй гармонию» позволительно лишь в сфере духовного творчества (конструктивный эстезис), вызывание же «бытия из себя» оказывается эхом темы «распятие интеллекта».

Гармония как таковая есть акт жизненного, а не разумного признания. Не развивая аргументации, попытаемся резюмировать существо тезиса апелляцией к запоздалым прозрениям Оппенгеймера: после Хиросимы физики познали час X, и это сознание уже никогда не покинет их; Борна: если б я знал, что выйдет из моих научных идей, я бы никогда не занимался физикой.

Разум всегда дефицитен относительно жизни, творимой не по доктринальной схематике, а по свободе оправданного выбора. Непонимание этого крепит опыт социальных коновалов сродни иступленному неистовству оголтелых жизнепроектировщиков послереволюционных дней. Вспомнить Гастева: «... Мы все мировым миллиардом не то божески, не то демонски, еще сильнее, еще безумнее посягнем» [1, с. 108].

Посягательство... Доктринально (формально рационально) действуя, мы словно забываем, что мы часть мира, а не «господа и владельцы» его. Гарантии от посягательства... в чём они?

Для каждого дня «достаточно его заботы», потому внешних текущих гарантий, как правило, не находится. Ад – это мы сами, – в наличное время судить нас некому. И тем не менее есть. Сдерживающая инстанция Номо violentus – не «всеобщая организационная наука» (Богданов), не процессуальный ритуал судопроизводства – гарантия от власти «мятежного сладкого хмеля», – самоограничение, самоцициплина на основе моральной остроты, практически-духовной осмотрительности, препятствующей хвастливому, невыверенному вторжению в жизнь.

Мораль как выношенная жизнью директива, – каков её источник? Однозначно, это – семантизация и институциализация:

– эволюционно удостоверенных норм общежитности – запрет на инцест, матрилокальность и т. д., иначе говоря: табуация поведения как базис эффективного, оптимального, достижительного обмена деятельностью;

– первичных, на поверхности лежащих ассоциаций, связанных с проявлением природных стихий. То же понятие зла возникает как обобщенно-абстрактное подытожение действия губительных природных стихий («разрушение» в отвлеченном значении). У Гесиода, Гомера – параллелизм физико-климатических – морально-этических пар («непогода – нечестие», «обилие – праведность») налицо. Однотипное – у Солона, Феогнида: эсхатологические образы ненастья, бури применяются для выражения «беззакония», «несправедливости» [11, с. 430]. Мысленное сочленение одного с другим каузальной зависимостью даёт концептуальную сцепку: «обильность» – результат праведности правления, «непогожесть» – следствие нечестивости судей.

Дальнейшая генерализация базовых этических ассоциаций, в абстрактной форме воссоздающая представления о натурально-физических явлениях, позволяет наполнять их (представления) исторически изменчивым (согласно социальной условности) содержанием.

Архаичное и родовое общество не ведает морали, права. Содержательно отсутствие норм замещает в первом эволюционно оправданная табуация (наращивающая адаптационный потенциал Номо), во втором – образность (впоследствии закрепляемая в этических, правовых категориях). На данной стадии пока имеются лишь метафоры «хорошего», «дурного», «зла», «добра», «правды», «кривды», отвечающие мифологически фундаментальной оппозиции «небо – преисподняя» [там же, с. 60]. Здесь (социальный фазис культурно корреспондирует мифологическому фазису) этическое вплетено в космическое: «зло – добро» коннотирует с «низким – высоким».

По ходу концептуальной систематизации вырастающих из мифа последующих мифологических пересказов (нарратий) – культовых ле-

генд, прозаическо-лирических повествований – обособливается ареталогия – рассказы о чудесах. По-гречески «аретэ» означает «внешний вид», наружность, зрительно данная телесность (близко «эйдос» – внешний образ). В понятийной обработке внешние качества делаются внутренними, – впрочем, поведенчески проявивыми, обозримыми. Аналогично «этос» вначале сближался с «номос» – местностью, землёй. Затем при концептуализации отождествился с «законом», «ладом». Начав значением «хлев, жилище, логово, пристанище», «этос» завершился «правом» [там же, с. 236].

Как видно, локомоция этического – троякая: эволюционная табуация поведения; натуральная эсхатология (семантизация проявления природных стихий); рационализация мифа. Итог – боги (Зевс) даруют людям (в отличие от зверей) Дику – персонифицированное начало правды, права, справедливости (Гесиод «Труды и дни»), понятийно передаваемой «этосом» – добровольно принятыми на себя высокими гуманитарными обязательствами. Согласно их предписаниям, собственно, живут люди (борющиеся с «гибрис» – вместилищем бесчестия, надменности).

Шекспировский Фальстаф, вопрошая: возвращает ли этика оторванную руку? – радикально проблематизирует положительные возможности этоса как руководства жизнестроения. Вопрос не риторический. Отрицательное суждение в качестве ответа на него не порождает этического нигилизма. Локально нереалистическая совокупность практически-духовных (сознательно-поведенческих) убеждений глобально выступает гранитом весьма реалистических побуждений, привносящих в общежитие момент нормосообразия.

Взять модельную ситуацию метущейся души Авраама. Зачем приносить в жертву Исаака? Дабы возыметь веру? Укрепиться в ней? Возникает сомнение: во имя чего? Какой ценой? Для преодоления себя? Но можно ли жертвовать в самоутверждении благополучием ближнего?

Испытания идеалом взыскуют лишь внутреннего роста, самовозвышения на основе не знания, а понимания разницы добра и зла. (Урок, следующий из фабулы книги Бытия, заключается в пафосе явления человеку Всевышнего, олицетворяющего идею нового бытийного порядка – существования в нравственном.)

Познание поглощено выработкой рецептуры соответствия понятия реальности (когнитивистика). Преодоление познавательного отношения означает выход из когнитивистики в прагматику и гуманитаристику, озабоченным выработкой рецептуры соответствия реальности понятию. Практическое созидание мира – жизнестроение – должно быть сбалансированным – пригодным для реализации родового назначения: вершения жизни как высшей ценности.

Сущностно дело обстоит так, что жизнь, имеющая происхождение органическое, с упрочением сапиентной фазы эволюции подчиняется зависимостям неорганическим. В том решающем смысле, что контроль,

воспроизведение ее условий перестает быть, в сущности, натуралистической прерогативой. Геокосмизация человеческой деятельности на очередь дня ставит задачу гуманитарного регулирования (проектирование, объективирование) созидания среды обитания (вещного мира). Мы не оговорились: хотя видоотличительным признаком сапиента выступает наличие *ratio*, в деле деятельностного мироутверждения радикализуется не рациональное, но гуманитарное оснащение. Это потому, что разум сам по себе нейтрален, техничен, не восприимчив к вопросам и запросам жизни и выживания. Разум – средство решения головоломок – отрешенных – «чистых» проблем, движение в которых, как демонстрирует опыт всемирной истории, может оказаться жизнеущемляющим: спекуляция и существование исходно не сопряжены. Отсюда – необходимость обсчета, критики усилий разума на его соответствие потребностям не виртуального (формально-рационального), но подлинного-реального.

Критериологию подлинного поставляет, с одной стороны, здравый смысл (доксология), с другой – деонтология (этико-гуманистическое), определяющие и определяющие круг полномочий, притязаний *ratio*. В разуме, как ни чудовищно это звучит, возможно всё. Последнего, точно, нельзя сказать о жизни, взыскующей не нарочитых, а выверенных фигур деятельности.

Как наводить мосты между замыслом и воплощением, свободным полетом мечты и отягощенным реалиями устройением? Общий ответ – гуманитарными ценностями, в деле конструирования второй и преобразования первой природы играющими роль несущих опор замышляемых созиданий. В который раз подчеркиваем: жизненный процесс развертывается по потребностям, интересам; сообщающая ему регуляризацию организация жизни руководствуется нормами, правилами, принципами. В рефлексивном комплексе обособливается прескрипция – предписательная инстанция, назидание, тематизирующая, что предпочтительно, что должно для обеспечения торжества блага. Поскольку наука недеонтологична, она дополняется вненаучным метасознательным комплектом гуманитарного, вводящим рамочные условия человекозначимого (родооправданного). В обобщенном смысле институциональным локусом подобного комплекта оказывается мораль, квалифицирующая цель, внутренний замысел, помысел, мотив действия, равно как и его результат. В животном царстве господствует инстинкт, в царстве разума – полет мысли, в человеческом общежитии – ответственное, гуманитарно обсчитанное решение. В противном случае – безответственность, античеловеческое конъюнктурное измельчание, одичание.

Разговор о кристаллизации принудительно-побудительного комплекта морали правильно вести с позиций некоей клаузулы. Фундаментальная предпосылка отмеченного печатью морали действия (поступка) – внутренняя свобода. Где человек самостийно реализует свою добрую волю, является источником гуманитарного зодчества, единственной

причиной своих действий, он – свободен. Категориальным антиподом свободы пребывает не необходимость, – моральный человек поступает свободно, т. е. самоопределятельно неподчиненно. Категориальным антиподом свободы пребывает зависимость, – зависимое поведение обязывающе обусловлено и потому несвободно.

Где фигурируют моторные реакции непроизвольного типа (тропизмы), не отмечается наличие морали; отмечается присутствие неадекватной трактовки морали в терминах «мораль – ветвь физики» [2, с. 421]. Справедливо и другое. Где ради свободы подавляется свобода (фихтеанская утопия «замкнутого торгового государства»), разыгрывается трагедия морального максимализма; универсализация морали (одной из форм символического) влечет brutальную деспотию – ближайшее следствие всех идеальных стараний [12, с. 330–331].

На фоне сказанного чувствительно заблуждение Канта: «из столь нестройного леса, как тот, который представляет собой человечество, нельзя сделать ничего прямого» [9, с. 8]. Человечество из «нестройного» делается «прямым» благодаря моральному самостроению, правда, лишь в случае, когда не мешает себе само. Многозначительная оговорка «в случае» требует комментариев.

1. Переход к «моральному порядку» не тождествен переходу к «общественному состоянию» (заблуждение идеологов Просвещения). Превращение человека в нравственное существо – облигатный процесс привития ему не общественного – гуманитарного сознания. Сознания принадлежности к гуманитарной общности. («Общественное» и «гуманитарное» совпадают в идеале; в действительности «общественное» и тем более «государственное» выказывает себя сильным, циничным, изощренным инструментом заявления, проведения, насаждения «эгоистических» интересов как орудий конкурентной борьбы, своеволия, целесообразного приспособленчества, угодничества, низкопоклонства, заискивания, лести, хитрости, своекорыстия). «Общественное» и «гуманитарное» совпадают исключительно в принятии максимы охранения человеческого достоинства (императивы «золотого правила»), как, скажем, формула категорического повеления Евангелия от Луки: «и как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними» [6]. Или в иной редакции: «не относитесь к человеку как к средству для своих целей, но всегда как к цели в себе».

«Общественное» прививает «склонность», «гуманитарное» культивирует «обязанность» действовать морально – не по выгоде, а из одного только «благородного внутреннего чувства».

2. В чем смысл заповедей, сформулированных деонтологически (в прескрипционном залоге)? В обнаружении, демонстрации в себе меры человечности. Что означает, что нечто должно (надлежит) делать? Только то, что в череде поступков необходимо позиционировать себя причастным человеческому.

Столь отрешенная (впрочем, фундаментальная) стратегия обязывает рассматривать предмет его со слишком большого расстояния. Между тем спрашивается: как быть в малом? К примеру, возможно ли любить ближнего (заповедь ранга императива), если он мародер, висельник, захватчик?

Пацифистская планида Иоанна-Павла II персонально понятна: будучи воцерковленным, он принял обет буквального следования евангельским установкам – быть «над схваткой». Что, если линию непротивления приняли бы как сокровенную все польские мужчины? Кто освобождал бы отечество?

«Моральная норма» – «социальная роль»: какую сторону выбрать в коллизии между ними?

Выбор первой чреват разрывом с обществом (которое, кстати, в форс-мажоре может упраздниться), что от индивида почти всегда требует чрезвычайного самооправдания («святость» versus «предательство»). Выбор второй чреват разрывом с моралью, что от общества (архизначимой для индивида инстанции) требует выдачи индульгенций на «простительные слабости» (пафос справедливой освободительной борьбы – «святого долга» гражданина – отменяет все и всякие душещипательные конвенансы).

Общего, справедливого для всех эпизодов жизни, решения дилемма не имеет. Исходы варьируются заявлением то особого характера лица (гражданская абстиненция), то социума (подчинение морали политике, идеологии, религии, праву). Главное при этом со стороны личности – соблюдать интенцию на моральное состояние: моральный образ действия в борьбе, а не святость в мнимом обладании полной чистотой намерений воли [9, с. 411]; со стороны общества – последовательно устранять все формы личной зависимости (опека, заведование, утилизация), гарантируя персональную свободу (распоряжение собой, плодами своего труда).

3. Деятели Просвещения ошибочно отстаивали презумпцию конкордии внутренней природы человека и внешней необходимости. На деле законы мира, общества с внутрочеловеческими стремлениями изначально не совпадают. Какого-то тождества «обязанности» и «интереса» даже с удаленных рубежей не просматривается. Выбор целей, ориентации на ценность нельзя просчитать формально-рационально. Жизнь в терминах *ratio* (науки) не калькулируема. Наука, *ratio* есть всего лишь технологическое сопровождение жизненно важных проектов.

Подлинное – свободное – назначение человека в способности осуществлять гуманитарно оправданный, совершенный выбор. Когда же последний совершенен, удостоверяется ситуационно.

4. Различаются «целесообразность» – рациональное преследование целей (наука, бюрократия) и «целеполагание» – гуманитарный выбор, сбалансированное принятие целей. Социальная целесообразность практически эффективна; персональное целеполагание подобной атри-

бутикой не располагает. Моральный долг не всегда результативен. Социальные обстоятельства не всегда нравственны. Соотношение одного с другим не эксплицируется в плоскости «прагматическое состязание».

«Мораль, – настаивает Гольбах, – была бы пустой выдумкой, если бы наука морали не могла доказать человеку, что его величайший интерес заключается в том, чтобы быть добродетельным» [3, с. 313]. Нередко вопреки рассчитывающему интеллекту, достижению устойчивого благополучия, тем более импульсивности, хитрости. Оправдывая свое высокое имя, гуманитарную миссию, человек автономно отказывается от отношения к подобному себе как объекту циничного использования, способу извлечения выгоды. «Мы окружены людьми, – отмечает Монтескье, – которые сильнее нас; они могут вредить нам на тысячи ладов, и притом в большинстве случаев безнаказанно. Какое же успокоение для нас сознавать, что есть в сердцах человеческих такое внутренне начало, которое постоянно борется за нас и ограждает нас от их козней» [8, с. 202].

Представляющее противовес приспособлению, конъюнктуре, раболепию, угодничеству, лести, ущемлению независимости, обмену воли на корысть, противоположному человеческому достоинству преклонению моральное сознание есть обязующее гуманитарное сознание – сознание самоценности личности, в недрах человеческого самостроения преобразующее «целесообразное» в «целеполагаемое».

5. «Общее благо», «революционная целесообразность», «классовая выгода», «социальный успех», иные сходные с ними частичные идеалы не имеют общего содержания. Энтузиазм по поводу их обмирщения (политически, идеологически обоснуемый) не отменяет, не может отменять моральные запросы оправданности. Достоинства моральной высоты исключают технологии гражданского устройства по социальному подкупу, культивации подневольности, личной уязвимости; масштабные потребности не удовлетворяются фабрикацией преступлений [10].

6. Как достигается «выгода всех выгод» – свобода действия лица в обществе? Пробегая частности, сосредоточимся на оценке крайних взаимоисключающих решений.

Вслед за просветителями Кант утрировал персональное измерение, вводил распространяющийся на индивидов принцип «движения самоцельности» (подрыв коего – источник зла). Маркс утрировал групповое измерение, вводил распространяющийся на популяции принцип революционной борьбы со всеми формами внеличного, классового угнетения.

Слабость первого – игнорирование общественно-исторического контекста межиндивидуальной интеракции, плодящего острейшие персональные коллизии (социальные, экологические, демографические, гражданские дисфункции, деформирующие самостоянье индивидов). Слабость второго – неадекватная экстраполяция на будущее (доктрина абсо-

лутного, относительного обнищания) социальных потенциалов раннего капитализма, фатально превращающего население в «хилых, быстро отживающих, вытесняющих друг друга, так сказать, срываемых до наступления зрелости человеческих поколений» [7, с. 279], ставка на неадекватные средства (революционное насилие, попирающее не только правовые, но и социально-экономические установления) достижения благих целей.

Между тем выверенная этика обязательств и санкций должна увязывать оба контекста: «моральная чистота действия» не семантизируется в ситуации «общественное несообразие»; вопрос «персональной вины» не тематизируется в ситуации «социальная безответственность».

Правды ради следует признать: добиться спайки одного с другим (пока?!) не удастся. Человечество не располагает родовой этикой; серьезные изъяны отличают и этику лица (утопизм просветительства, ригоризм кантианства, эклектицизм синтеза просветительства с кантианством (Сен-Симон, Лавров, Прудон), конформизм утилитаризма и т. д.).

Очевидно одно: базовый принцип персонального самоуважения (этический императив) должен быть дополнен не менее фундаментальными принципами экологического – «уважение природного, живого, как такового», культурного – «уважение этнокультурного многообразия», политического – «уважение свободного, независимого, суверенного развития» императивов.

Наряду с обеспечением поддержания самооценности лица следует обеспечить поддержание самооценности богатств природы, истории, духа.

И другое: учение о морали не может быть «надсоциальным», «надэтническим», «надкультурным»; оно не в состоянии описывать поведение вообще всех «надисторических» персонажей (дикаря и представителя цивилизации). Коль скоро отсутствует поведенческое единство рода, отсутствуют всечеловеческие законы общения, не может быть универсальной морали.

Объективацию высших возможностей жизненных отправлений человечности (через индивидуальную преднастройку самосознания, действенного образа поведенческого самоутверждения «в миру») обеспечивает базовый общественный консенсус относительно принятия морального сценария жизни. Социум активизирует возможную систему отсчета на «грядущее торжество» справедливости, блага. Если этого нет, моральные отношения не установимы. Установимы типы утилитарной или основанной на вкусе неутилитарной (волюнтарной) общительности, повременно вырождающейся в многообразные «свинцовые мерзости» человекоразрушительного существования деспотического, тиранического, притеснительного плана от архаичного каннибализма до Спарты и от Спарты до СССР, Китая, Кампучии с рецидивами поколенческого, сословного, этнического, культурного геноцида.

И третье: тематизируя дилемму «сущее – должное», моралистика воспаряет над практицистской целесообразностью, вводит некие иде-

альные допущения об устоях, перекрывает сферу «текущего». Противопоставление «должного» «позитивно действительному» в качестве регулятивного фона намечает магистраль исторического процесса – жить, выживать, самоутверждаться в качестве людей в обход поврежденности индивидуального и социального прогресса. Одновременно человеческое (гуманитарное) развитие корректирует развитие моральное, – человек в человеческих обстоятельствах расширяет пределы заявления, проявления человечности. Как символическая форма практически-духовного мораль «снята» а) единым процессом родового прогресса; б) свободным самоопределением прогрессирующих представителей рода, склонных к самоограничению, самоконтролю. Вызывает неподдельное уважение человек, для которого существует невозможное: он не делает того, что нельзя делать, избирая себя для того, что нельзя не делать.

Список литературы

1. Гастев А.К. Поэзия рабочего удара. Пг.: Пролеткульт, 1918.
2. Гоббс Т. Избранные произведения: в 2 т. М.: Наука, 1964. Т. 1. 583 с.
3. Гольбах П. Избранные произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1963. Т. 1. 718 с.
4. Декарт Р. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1950. 712 с.
5. Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 4. Ч. 1. 544 с.
6. Лук. 6:31.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
8. Монтескье Ш. Персидские письма. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1956. 400 с.
9. Родоначальники позитивизма. СПб.: Брокгауз–Ефрон, 1910. Вып. 1.
10. Соловьев Э.Ю. И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М.: Наука, 1992. 210 с.
11. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М.: Наука, 1978. 605 с.
12. Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма / пер. И.Я. Колубовского. Л.: СОЦЭКГИЗ, 1936. 480 с.

ABSOLUTE AND RELATIVE PROPERTIES OF MORAL VALUES

V.V. Ilyin*, V.A. Nikitin**, T.O. Tedeeva**, E.I. Shaysultanova**

*MGTU named after N.E. Bauman, Moscow

**KF of VFSU, Naberecznyye Chelnye

The article is aimed at the analysis of moral regulation of personal behavior. As a symbolic form of the spiritual praxis the moral consciousness is expressed in the totality of humanity progress, in the growth of inner forces of free human subjects self-regulation.

Key words: *self-control, moral autonomy, human culture.*

Об авторах:

ИЛЬИН Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор ГБОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана», Москва. E-mail: vvilin@yandex.ru

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

ТЕДЕЕВА Татьяна Олеговна – соискатель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Набережные Челны. E-mail: neronikus75@mail.ru

ШАЙСУЛТАНОВА Эльмира Ильдаровна – старший преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Набережные Челны. E-mail: mir-sh@mail.ru

Authors Information:

ILYIN Viktor Vasilievich – Ph.D., Prof. of the Moscow State Technical University named after N.E. Bauman, Moscow. E-mail: vvilin@yandex.ru

NIKITIN Vladimir Arkadievich – lecturer of of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

TEDEEVA Tatyana Olegovna – Ph.D. student, Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: neronikus75@mail.ru

SHAISULTANOVA Elmira Ildarovna – Senior lecturer of Philosophy Dept., Chapter of Kazan Federal University in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: mir-sh@mail.ru